

Философско-эстетическая концепция бытия в творчестве С. Кржижановского

Ливская Евгения Валентиновна

Аспирантка Калужского государственного педагогического университета
имени К.Э. Циолковского, Калуга, Россия

Наиболее значимые произведения С. Кржижановского (1887–1950) были созданы в 1920–1930-е гг. Современность, чей облик кардинально изменила Октябрьская революция, произвела переворот в умах, религии, науке. Основы, на которых держалась культура прошлого, расшатались. Процесс «атомизации» мира и человеческой души П. Флоренский назвал «душевым атомизмом», который действует «разъедающе»; философ дал выразительное определение кризисного времени: «Жизнь расплылась» [Флоренский: 33].

Вырывать произведения Кржижановского из контекста эпохи означает приглушать, затушевывать их эсхатологичность, лишать звучания важнейшего обертона. В русле многочисленных откровений о современной эпохе как начале эры Святого Духа или Антихриста писатель выстраивает собственную концепцию нового государства, названного им «Щелиным Царством».

Опираясь на христианское учение, он выстраивает собственное «откровение», в образе inferнального «Щелиного Царства» он создает грандиозную метафору агрессивно наступающего исторического времени. В парадигме произведений Кржижановского причиной несовершенства мира становится несовершенство человека, утратившего веру и забывшего Бога.

Именно поэтому так легко совершается проникновение Ничто в бытие. Щель становится его материальным субстратом на земле, ибо щель, по утверждению одного из героев Кржижановского (новелла «Собиратель щелей»), есть *пустоты извитие*. Именно материальные субстраты Ничто – щели – становятся ловушками-капканами для человека на физическом уровне. Столь же опасным для человека оказывается и разорванное на секунды, минуты и часы время. Вводя свои жала в человека, бактерии времени, утверждает герой новеллы «Странствующее “Странно”», от лица которого и ведется повествование, *вбирают в себя из человека содержания времени <...> и уползают назад в свое ... циферблатное гнездовье* [Кржижановский: 320].

Затем Ничто в лингвистическом феномене *якобы* реализует тождество субстанционального и номинативного («Якоби и “Якобы”»). «*Ибо в моем названии, – гордо заявляет феномен, – все мое бытие*» [Кржижановский: 108]. Слово распадается на слова, суть которых – Ничто.

Масштабность противника требует от писателя максимальной обобщенности героя. Из многочисленных ипостасей человека Кржижановский выбирает ключевые: мудрец (философия), поэт (искусство), отшельник (религия), ученый (наука). Увы, все они, не подкрепленные верой, оказываются легкой добычей для Зла.

Тотальное безверие, охватившее массы, по мнению Кржижановского, выбило из рук человека последнее оружие в борьбе со Злом. Словно соглашаясь со словами из Книги Экклезиаста, Кржижановский утверждает поступками своих персонажей: знания без веры – источник печали и смерти для героя. Действительно, герои Кржижановского, словно библейские Адам и Ева, с жадностью вонзают зубы в гностическое яблоко, даже не подозревая о том, что фрукт уже отравлен ядом небытия.

Герой Кржижановского, вглядываясь в реальную жизнь, пытается постигнуть ее – и не может. По справедливому замечанию М.М. Голубкова, если герой классической литературы мог уйти от взаимодействия с историческим временем, то в литературе XX века, начиная с Горького, вовлеченность каждого человека в круговорот исторических событий неизбежна [Голубков: 210–211]. Наступление «Щелиного Царства» на личность человека, заглывание его в себя – это оригинальная метафора агрессии исторического времени, найденная С. Кржижановским.

Человек, замечает писатель, трагически одинок. Ему не на кого опереться, не у кого попросить поддержки. Поистине глобальное одиночество героя вытекает из особой трактовки Кржижановским женского начала. Автор видит в женщине обманщицу-обольстительницу. Именно под влиянием женщины (чаще всего возлюбленной) герои Кржижановского из «Поэтов» превращаются в обывателей – «Иванов Ивановичей».

Как спастись от всеобщего распада и омертвления? Еще раньше символистами было предложено создание альтернативных миров, прекрасного «соловьинного сада». Переосмысляя идею двоемирия, Кржижановский целым корпусом новелл утверждает: альтернативные миры (творчество или сон) порой не менее опасны для человека, чем сама агрессивно наступающая реальность.

С уходом Бога мир покидает потенция творения. Художник, по мысли писателя, вынужден оживлять мертвые пустоты слов, черпая смыслы из самого себя, буквально вскармливая словесных агентов Ничто кровью сердца. Мотив вынужденного обмена собственной жизни на жизнь книги писатель поднимает до евангельских масштабов. В образах его поэтов и художников ясно проступает лик того, кто своею жертвою искупил грехи человечества. Судьба художника и судьба Иисуса Христа, по мнению Кржижановского, восходят к одному общему архетипу – архетипу преодоления личного, индивидуального (личной судьбы) ради общего, общечеловеческого. Для художника только такой путь (драматичный, а иногда по своему финалу и трагичный) «преодоления себя» обеспечивает полноту творческого бытия.

Литература

Голубков М.М. Русская литература XX в.: После раскола. М., 2001.

Кржижановский С.Д. Собр. соч.: В 5 т. СПб., 2001. Т. 1.

Флоренский П.А. Общечеловеческие корни идеализма // *Оправдание Космоса.* СПб., 1994. С. 27–60.